

Влияние политических изменений на архитектурные особенности региона реки Одры

Регион реки Одры изобилует примерами процесса прогрессивного изменения архитектурного ландшафта, уступающего процессу изменения политического строя, власти или границ, начиная с Первой мировой войны, падения Империи и миграции населения из территорий, принадлежащих после Второй мировой войны польскому государству, перехода власти к коммунистам и до изменений 1989 года. Данный процесс, как отдельный вопрос, кажется, остался незамечен в общем историческом дискурсе. Однако можно сказать, и это не будет преувеличением, что архитектурные объекты в самосознании общества, являются либо свидетельствами либо молчаливыми свидетелями истории, особенно в период становления нового государственного строя.

Здесь можно выделить две формы политического влияния на архитектуру региона. Первая из них - переназначение основных функций существующих объектов согласно потребностям. Это означает, что здание, построенное во время правления одной власти и исполняющее в интересах этой власти определенные функции (например пропагандистские), при переходе к другой, изменяет свое назначение. Либо его приспособляют или лишают уже существующих функций, или же не используют вообще, так как оно представляет собой символ враждебной деятельности. Вторая форма политического влияния на изменения архитектурного ландшафта - изменение самого ландшафта, основанного на создании новых объектов.

Ссылаясь на ранее указанные определения, примеров для обеих форм в регионе Одры существует много и их всех невозможно описать или даже указать. Поэтому ограничимся лишь наиболее яркими примерами. Для первого случая поселение Малая Москва в Слубицах и замок в Бад Фрайенвальде, а для второго, поселение Паулиенхоф во Франкфурте на Одере.

Поселение Малая Москва, теперь часть польского города Слубице, менее чем за полвека, дважды изменило свое первоначальное назначение. Построенное в период Веймарской республики, как жилой район для военных, в конце Второй мировой войны было отдано временной советской администрации и переоборудовано под транзитный лагерь, а затем тюрьму НКВД, где сидели, в основном, немецкие заключенные, подозреваемые в сотрудничестве с нацистскими властями. В конце 1945 года лагерь был вероятно ликвидирован. Третий срок службы Малой Москвы начался в 1957 году, когда поселение снова начало служить жилым комплексом для так называемых репатриантов.

Очень интересным является факт именованя этого поселения, отражающего, вероятно, его вторую функцию. Малая Москва олицетворяет местный очаг советского режима, причем его происхождение почти забыто настоящими жителями и

приписывается периоду выполнения третьей функции. Представленный факт наталкивает на мысль задать вопрос о коллективной памяти и ее влиянии на возникновение локальной истории.

Замок в Бад Фрайенвальде в свою очередь, является достаточно сложным примером с перспективы определенного вида символичности, репрезентантом которой является. После Второй мировой войны здание было разграблено и предназначено под снос, как символ «немецкости» («прусскости»). Это было, кроме того, в условиях послевоенных, что соответствовало неписанному многовековому принципу удаления следов прежнего правительства, для закрепления нового, как первоначально законного. Огромное значение имела также особая неприязнь правящих коммунистов к проявлению элементов монархичности. Замок, как здание, был создан для летних путешествий принцессы Луизы и, несомненно, таким символом являлся.

Одной из форм сохранения строения могло быть только сохранение стен здания, при одновременном вычеркивании его из истории и изменении его восприятия местным населением. В конечном счете, было решено принять эту форму (возможно только признавая полезность стен в послевоенной реальности, то есть после разрушения). Принятие стенами нового профиля были: первый - путем создания в них дома культуры, а второй — присваивания дому культуры имени А. Пушкина.

Переходя ко второй из упомянутых выше форм, т. е. изменение архитектурного ландшафта в результате изменений территориальных, правительства или политической системы, стоит отметить, что особенно изменения границ (наступивших в первую очередь в результате вооруженных конфликтов) могут повлиять на архитектуру регионов не находящихся в непосредственной близости этих изменений. Возникновение уже названного жилого района Паулиенхоф не связано с изменением границ региона в котором он возник или местными потребностями. Необходимо было просто обеспечить жильем железнодорожников, переехавших во Франкфурт на Одере из территорий, которые отошли к Польше после Первой мировой войны, особенно из таких центров как Вроцлав, Быдгощ и Гданьск. Таким образом территориальные изменения государства привели к изменениям местного архитектурного ландшафта.

Описанная выше проблематика подталкивает к дальнейшей мысли, в частности, изображения формирования власти через призму влияния на функцию здания, значения архитектурных объектов для идентичности и памяти и обоснованности включения архитектуры в рамки широкого контекста понимания политической истории и использовании ее для исторических исследований (но не в смысле анализа, проводимого искусствоведами).